

**Библиотека
военных
приключений**

Александр
ЛЫСЁВ

**«РАНЬШЕ СМЕРТИ
НЕ ПОМРЕМ!»**

ТАНКИСТ, ДИВЕРСАНТ, СМЕРТНИК

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л88

Художник Игорь Варавин

Лысёв, Александр Владимирович.

Л88 «Раньше смерти не помрем!» Танкист, диверсант, смертник / Александр Лысёв. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 320 с. — (Библиотека военных приключений).

ISBN 978-5-699-98302-5

Вторая мировая была для России не только Великой Отечественной, но и продолжением Гражданской войны — немало белых офицеров пошли на службу Рейху, считая Сталина худшим злом, чем Гитлер. И летом 1941 года им суждено сойтись в бою — советскому танкисту на тяжелом штурмовом КВ-2 и русскому поручику-белоэмигранту, ставшему диверсантом немецкого элитного полка специального назначения «Бранденбург-800»...

Что за злой рок заставляет русских людей, готовых отдать жизнь за Родину, стрелять друг в друга? Почему их судьбы не просто переплетены, а намертво спаяны в адском пламени братоубийственной войны? Чья правда истинна? Каково это — выбирать из двух зол? И долго ли еще русские будут воевать против русских?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98302-5

© Лысёв А.В., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

1

Сначала была баня. Именно баня — рубленая, приземистая, пахнущая изнутри чисто выскобленными деревянными полами, с березовыми вениками и дубовыми кадушками, стянутыми клепаными металлическими обручами. И жар был что надо. Плеснуть из ковшика с резной ручкой холодной водицы на раскаленную каменку да бегом после этого заскочить на верхний полок и лежать, расслабившись душой и телом, — одно удовольствие! Баня была самая что ни на есть русская, настоящая — хоть и стояла она на окраине провинциального польского городишки. Бане было, пожалуй, лет пятьдесят, не меньше. Она пережила войны, революции, распады империй, становление и крах национальных государств. И теперь, похоже, готовилась пережить нечто подобное вторично. Да что там готовилась — уже начала. От независимого польского государства в очередной раз не осталось и следа. Германский вермахт стоял на новой восточной границе, за которой таилось манящее и пугающее одновременно бесконечное пространство. А еще в те дни выдалась сильная жара — на дворе была середина июня 1941 года.

У привыкшего за последнее время к казарменным душевым личного состава баня вызвала массу положительных эмоций. Со знанием дела и явным удовольствием то и дело плескали из ковшика воду. С улыбками, заслышав шипение, в клубах пара за-

скакивали на полоки. В плавающем у потолка мареве звонко и хлестко свистели, рассекая горячий воздух, свеженаломанные веники, устилая пол молодыми березовыми листочками.

А потом выдавали обмундирование. Немецкую форму было приказано сдать. Во двор был загнан большой трофейный трехосный грузовик «Шкода» чехословацкого производства. В его тентованный кузов поближе к кабине, подальше от случайных глаз, были задвинуты длинные деревянные ящики и объемистые тюки, перехваченные бечевкой. Прямо как готовые к отправке бандероли на рейхспочте. Ближе к откидному заднему борту стояло несколько коробок, из которых как бы невзначай выглядывали продолговатые банки тушенки в белых бумажных этикетках с распростершими крылья черными имперскими орлами. Грузовик вчера совершал рейс на продовольственный склад.

— Unterfeldfebel Heunter Zeuler, spezielle Lehr-Baustein Bataillon¹, — прочитал днем ранее в протянутых сопроводительных документах сухопарый пожилой офицер немецкой интендантской службы.

— Jawohl, Herr Mayor! — щелкнул каблуками стоявший перед ним.

Майор, слегка прищурившись, посмотрел сквозь пенсне в золотой оправе на прибывшего к нему визитера. Унтер-фельдфебель, лет сорока пяти, кадровая выправка, общевойсковая форма с петлицами сапера, чуть сдвинутая на сторону пилотка на голове.

— Sie haben besondere Aufgabe...² — чуть понизил голос майор, и глаза его за стеклами пенсне сощурились еще больше.

¹ Унтер-фельдфебель Гюнтер Цойлер, специальный строительный батальон.

² У вас особое задание...

— Jawohl, — последовал такой же четкий и бесстрастный ответ. Чуть приподняв подбородок, приехавший совершенно спокойно сосредоточил на майоре взгляд своих серых глаз.

Интендант рассматривал его еще мгновение — чуть выше среднего роста, немного худощавый, но крепкий и жилистый. Правильные черты лица, на котором слегка обозначившиеся складки выдают возраст. Под пилоткой коротко стриженные русые волосы, чуть тронутые сединой на висках. Мундир застегнут на все пуговицы. Лицо арийское, впрочем, скулы, пожалуй, чуть широки. Такое лицо может быть как у немца, так и у славянина...

— Also, kommen Sie bitte... — прервал несколько затянувшуюся паузу майор. И, сделав приглашающий жест рукой, первым вошел через устроенные, судя по свежим выбоинам в стене, совсем недавно, но уже аккуратно выкрашенные в серый шаровый цвет металлические ворота. Они вошли в здание старой кирпичной кладки.

Внутри было прохладно. Майор шел первым по большому сводчатому залу. Унтер-фельдфебель следовал за ним. Гулко отдавались шаги в старинном помещении. На полу аккуратными рядами выстроились штабеля ящиков со всевозможной маркировкой, нанесенной в одинаковых местах черной краской по трафарету. Здание представляло собой некогда старую казарму русской императорской армии, коих было множество возведено в Привисленском крае на рубеже XIX—XX веков. Затем казармой пользовались поляки, а осенью тридцать девятого в нее заехал интендантский склад вермахта, слегка переделав внутреннюю и внешнюю планировку под свои нужды. Зашли в самую дальнюю угловую часть. За много лет до нее, похоже, не доходили руки ни у поляков,

ни тем более у немцев. Однако длинные зеленые ящики без маркировки и перевязанные бечевкой тюки были принесены сюда совсем недавно. Они были заботливо прикрыты со всех сторон охапками сена. Как будто случайно, перед ними на полу, загораживая единственный подход, громоздился всевозможный хлам: поломанные и разобранные старые кровати с панцирными сетками, перевернутые деревянные тумбочки, сваленные в кучу сплюснутые кружки, манерки, обрывки кожи, керосиновые лампы и еще неведь что. Все это было покрыто слоем битого кирпича и осколками стекла. Майор остановился. Приехавший оглядел открывшуюся картину и уверенно сделал шаг вперед. Ногой отгреб мусор и кирпичную крошку. Жалобно звякнул, покотившись в сторону, измятый и запыленный самовар. Унтерфельдфебель присел на корточки, провел пальцем над носиком самовара с потеряннным краником. На тусклом, серебряного цвета боку самовара блеснули выбитые медали и отчетливо видимая надпись «БаташовЪ, 1894». Унтер-фельдфебель поднял глаза, огляделся по сторонам. У стены стояла полуразрушенная деревянная пирамида для трехлинейных винтовок. Стертая и выцветшая, над остатками пирамиды на привинченной к кирпичам табличке еще читалась надпись по-русски: «1-й взводъ». А рядом на торце какой-то расколотой то ли полки, то ли дверцы, отчего-то совершенно не тронутая временем, красовалась выведенная чернилами подпись с мудреными завитушками: «7-й роты старший унтер-офицеръ Николай Ря...» Фамилия старшего унтер-офицера была безвозвратно утеряна.

Майор-интендант закашлялся, достал из кармана галифе белоснежный накрахмаленный платок. Снял

и протер пенсне, затем водрузил его на место. Унтер-фельдфебель поднялся, отряхнул рукав мундира.

— Vielen Dank, Herr Mayor. Entschuldigen Sie bitte, aber ich habe ein Befehl...¹

— Ich weiss, — коротко отозвался майор. — Alles ist da. Ich werde aus...²

И, не говоря более ни слова, интендант развернулся и зашагал в обратном направлении. Оставшись один, унтер-фельдфебель подошел к ящикам. Сгреб с одного из них сено на сторону, вытащил из-за голенища сапога маузеровский штык-нож, поддел замки. Крышка откинулась легко. Оглядев содержимое, унтер-фельдфебель удовлетворенно усмехнулся краешком рта и закрыл крышку, защелкнув замки.

Ящички и тюки грузили приехавшие с унтер-фельдфебелем солдаты с такими же саперными выпушками на мундирах. На складе, кроме майора, больше не было никого. Это было оговорено заранее. Под конец в кузов поставили несколько коробок с немецкой тушенкой. Майор докурил сигарету, подошел к наблюдавшему за погрузкой приезжему. Еще раз оглядел пристальным взглядом его фигуру в ладно пригнанном обмундировании. Встал чуть в отдалении, не говоря ни слова.

«Унтер-фельдфебель, — подумалось майору. — А примерно моих лет. Весьма странно... Впрочем, мне намекнули, с кем придется иметь дело», — тут же оборвал сам себя дисциплинированный кадровый прусский офицер. Однако от замечания вслух все-таки не удержался:

— Ich keampfte hier... Sommer der feunfzehnte...

¹ Благодарю, господин майор. Извините, но у меня приказ...

² Я знаю. Все здесь. Я буду снаружи...

Unsere glorreiche alte Kaizer Armee... Und Sie, ohne Zweifel, waren auch im Front¹?

Унтер-фельдфебель обернулся, несколько секунд пристально смотрел на майора своими серыми глазами, затем произнес, как показалось интенданту, с едва уловимой странностью непонятного происхождения в интонации:

— Ich auch. Ohne Zweifel².

И, коротко козырнув, уселся в кабину грузовика. Майор проводил взглядом «Шкоду» со старательно зашнурованным тентом.

Выехали на улицу. Унтер-фельдфебель еще раз проверил наличие всех необходимых отметок в сопроводительных документах. Прежде чем убрать бумаги в нагрудный карман мундира, беззвучно перечитал про себя предписание: «Выдано унтер-фельдфебелю Пюнтеру Цойлеру». И чуточку усмехнулся краешком рта, как час назад в казарме-складе, когда проверял содержимое ящиков. Затем достал сигарету, опустил боковое окно грузовика и, закуриив, выпустил струйку дыма через нижнюю губу, разглядывая окрестности.

Унтер-фельдфебель сказал майору совершенную правду. Он действительно тоже воевал в этих местах летом 1915 года. Только не в кайзеровской армии, а в русской императорской. И предписания он тогда предъявлял не на имя Пюнтера Цойлера, а на имя в тот момент прапорщика Александра Николаевича Земцова — свое подлинное имя...

После бани передевались во дворе за глухим высоким дощатым забором. Когда на улице слышал-

¹ Я воевал здесь... Летом пятнадцатого... Наша славная старая кайзеровская армия... А Вы, без сомнения, тоже были на фронте?

² Я тоже. Без сомнения.

ся треск мотоциклетного мотора, все инстинктивно замерли и переглянулись. Не ходивший в баню часовой в немецкой форме, выглянув за ворота, запустил мотоциклиста во двор и тут же снова плотно закрыл створки. На мотоцикле без коляски въехал командир взвода лейтенант Кнапке. Заглушил двигатель.

— Herr Leutenant... — подскочил с докладом часовой, приставляя винтовку к ноге.

— Говорить только по-русски. Всем! — с ходу оборвал его Кнапке. Оглядел отделение Цойлера, застывшее посреди двора в одном нижнем белье, но с руками по швам. Бросил с легкой усмешкой: — Вольно!

Кнапке прошелся по двору между солдат отделения, окинул взглядом пуговицы и завязки на нижнем белье, едва заметно покивал с удовлетворенным видом и обернулся к Земцову:

— Цойлер, как оденутся, дайте мне знать — будем получать документы.

— Так точно!

И, кинув снятые кожаные перчатки на бензобак своего BMW, с увесистой полевой сумкой в руках направился через двор в беленую хату. Русским языком Кнапке владел великолепно. Впрочем, как и большинство чинов подразделения «20—60», входившего в 800-й полк особого назначения «Бранденбург».

На дворе между тем продолжилась распаковка привезенных накануне тюков. С немецкой обстоятельностью тюки были пронумерованы. Зная заранее свой номер, каждый брал предназначенное себе. Земцов перерезал штык-ножом бечевку, аккуратно разложил на пятнистой плащ-накидке вытащенное из бумажного пакета советское обмундирование и снаряжение. Поставил на землю яловые сапоги, накинуд на голенища портянки. Кто-то рядом, в свою

очередь, усмехнулся портянкам, покосился на Земцова и сделал то же самое. В каждом тюке находился полный комплект обмундирования и снаряжения кадрового пехотинца Красной Армии. Земцов придирчиво осмотрел хлопчатобумажную гимнастерку защитного цвета со стрелковыми петлицами старшины, такие же бриджи. Одел — все пришлось впопору. Ловко намотал портянки и, притопнув каждой ногой, покачался с пятки на носок и обратно. Затем раскатал поясной ремень и принялся последовательно надевать на него снаряжение: круглый подсумок к автомату ППД, гранатную сумку, лямки плечевых ремней, сухарную сумку, флягу на пристяжном карабине, саперную лопатку, второй подсумок. Распределил снаряжение, подогнал все, подпоясался и расправил все складки на гимнастерке. Продел через плечо противогазную сумку.

— Помоги, — коротко обратился к рослому вестфальцу Хубе.

Тот закинул на плечи Земцову красноармейский ранец с уже притороченной к нему шинельной скаткой. Пилотку Земцов заправил за ремень и аккуратно разгладил. Подтянул подбородочный ремешок стального шлема образца тридцать шестого года с нарисованной на нем красной звездой. Все остальные в это время занимались со своим обмундированием и снаряжением тем же. Из зеленых ящиков извлекли стрелковое оружие — автоматы и самозарядные винтовки. Раздали патроны и гранаты.

— Становись! — Земцов вышел на середину двора.

Прожаживаясь вдоль строя, бросал короткие замечания: «застегни пуговицу», «расправь складки», «лямка перевернулась, поправь». Дошел до Хубе.

— Лопату на другой бок перевесь.

— Scheisse.

— Все по-русски, Хубе, по-русски. — В вестфальца впился цепкий взгляд серых глаз.

Хубе помялся с ноги на ногу и вдруг разразился отменной матерной тирадой на чистейшем русском языке, смысл которой сводился к тому, что теперь придется перебирать всю навешенную на него снарягу. Выругался с чувством, с толком и расстановкой и тут же, щелкнув каблуками, прижал руки по швам и впился вопросительным взглядом в Земцова.

— Очень хорошо, — серьезно одобрил Земцов. Но добавил: — Каблуками не щелкай.

Когда Хубе с помощью товарищей устранил нарушение, Земцов сделал движение бровями крайнему в строю солдату:

— Зови Кнапке.

Через минуту на крыльце хаты появился Кнапке в форме капитана пехоты РККА.

— Рав-няйсь! Сми-ирна! — негромко подал команду Земцов.

Кнапке прошелся вдоль строя, внимательно глядясь в каждого стоящего перед ним. Остался доволен, слегка покивал головой. Раздал всем красноармейские книжки и прочие документы. Посчитал необходимым напомнить:

— И чтобы подворотники всегда были чистые!

— Подворотнички, господин лейтенант, — подал голос из-за спины Кнапке Земцов.

Это было правило в команде: любой, кто заметил чью-то ошибку или неточность, должен был незамедлительно ее поправить при всех. Не важно, кто и в каком чине ее допустил, — честолюбию здесь места не было, только работа. На общее благо.

— Благодарю вас, Цойлер, — развернулся к нему на каблуках Кнапке. Проговорил с нажимом: — Подворотни-чки, а также отставить не разговоры, а разговор-чики! Все так?

— Так точно, господин лейтенант.

— Только не господин лейтенант, а товарищ капитан.

Кнапке чуть обозначил кивок подбородком на петлицы с одной шпалой у себя на воротнике гимнастерки. На Земцова в упор без тени шутки смотрели его холодные и прозрачные, чуть водянистые глаза.

— Так точно, товарищ капитан!

— Собираем вещи и грузимся. — Кнапке сделал жест в сторону грузовика. — У вас пять минут.

— Есть!

2

Капитан Барсуков, подобрав лежавший под левым танка молоток, гулко постучал в крыло над широоченной гусеницей.

— Эгей, Коломейцев!

Из люка под башней показалась голова молодого парня в танковом шлемофоне.

— Ну товарищ капитан, полчаса! Мне еще масло проверить. Да и по трансмиссии не все закончил..

Барсуков оперся о приоткрытый смотровой лючок механика-водителя. Сказал совсем по-дружески:

— Завязывай, Витяй. Хватит на сегодня. Все-таки суббота, как-никак..

Огромный профиль тяжелого штурмового танка с исполинской башней четко прорисовывался на фоне вечернего заката. Грозно чернела, коротко высовываясь из клепаной бронемаски, гаубица невероятного доселе калибра — 152 миллиметра. Новенький KB-2 казался олицетворением мощи и несокрушимости. Таких машин, недавно полученных, в дивизии было совсем немного — всего около двух десятков. А еще танк сейчас, как это ни удивительно,

очень приятно пахнул свежей краской, замешанной на аромате приносимых ветром полевых цветов. Где-то ниже, за уходящим к самой воде лугом, неспешно катила свои прозрачные воды безымянная деревенская речушка. Оттуда веяло свежестью и прохладой.

Старший сержант Коломейцев выбрался через круглый люк наружу, обтер руки ветошью, положил ее на откинутую крышку, снял шлемофон и, протопав сапогами по надгусеничной полке, спрыгнул на землю. Барсуков молча протянул ему пачку папирос. Закурили, присели у опорного катка. Некоторое время в полной тишине задумчиво оба смотрели на закат.

18 июня 1941 года дивизия, входившая в состав Прибалтийского особого военного округа, была поднята по тревоге из литовского местечка Укмерге, где дислоцировалась на постоянной основе. К исходу того же дня части дивизии были скрытно переброшены в район железнодорожных станций Гайжюны — Рукле. Относительно короткий переход вскрыл несколько неприятных моментов: поломки материальной части, неопытность большого числа механиков-водителей, нерасторопность некоторых командиров, недостатки в движении и снабжении походных колонн. К тому же выбились из графика. Впрочем, все это было давно и хорошо известно в дивизии и над устранением этих недостатков постоянно работали. Последние несколько дней не были исключением. Своей ротой капитан Барсуков был вполне доволен. Правда, на марше все-таки обошлось без одного инцидента и у них. Матвей Москаленко, молодой водитель из последнего призыва, не справился с управлением и завалил-таки на повороте исполинский танк одним бортом в кювет. Слава Богу, движение перекрыто не было. Москаленко,